

Символика косы/волос в русских свадебных причитаниях

Светлана К. Мамонова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, smamonova10@yandex.ru*

Аннотация. В статье описаны основные символические значения девичьей косы в текстах свадебных причитаний. В работах современных исследователей коса рассматривалась лишь как один предметных заместителей воли/красоты – абстрактного понятия, которое объединяло в себе представление о молодости, красоте, девственности девушки и о достижении ею детородного возраста. Мы же попытались показать, что волосы/коса девушки обладают рядом собственных значений. Коса может интерпретироваться как символ девичьей свободы. Прическа девушки может осмысляться мифологически и представлять собой средство испытания жениха. Кроме того, коса является неотъемлемой частью внешнего облика невесты, который постоянно трансформируется в зависимости от стадии свадебного обряда. В плачах мы зафиксировали разную конфигурацию волос: при прощании с подругами и родителями волосы распущены и не расчесаны; при появлении поезда жениха невеста, наоборот, предстает во всем самом лучшем, ее прическа, как правило, богато украшена. Таким образом, можно говорить о волосах/косе как маркере переходного состояния невесты.

Ключевые слова: причитания, свадьба, коса, волосы, красота

Для цитирования: Мамонова С.К. Символика косы/волос в русских свадебных причитаниях // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 1. С. 74–92. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-1-74-92

Hair symbolism in Russian wedding lamentations

Svetlana K. Mamonova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, smamonova10@yandex.ru*

Abstract. The paper is an attempt to identify the main symbolic meanings of the girl's braid in the texts of wedding lamentations. In the modern researches (works of E.L. Madlevskaya, S.M. Tolstaya, A.V. Gura) the braid was considered only as one subject substitute for the volya/krásota an abstract concept that combined the idea of youth, beauty, virginity of a girl and her reaching childbearing age. In our work, we tried to show that a girl's hair/braid has a number of eigenvalues. The braid can be interpreted as a symbol of girlish freedom, and this freedom can be of different: it is freedom of choice, freedom of participation in ritual and behavioral practices, relative freedom of appearance. The braid also can have mythological meaning: it can be thought of as a means of testing the groom. Also, the braid is an integral part of the appearance of the bride, which is constantly transforming depending on the stage of the ceremony. In the lamentations related to different stages of the wedding, we note a different configuration of hair: when a girl leaves her family her hair is uncombed and loose. When the groom and his family come the bride appears in all the best. In this way, through a change in hairstyle, changes in the social status of the girl can be reflected.

Keywords: lamentations, wedding, braid, hair.

For citation: Mamonova, S.K. (2023), "Hair symbolism in Russian wedding lamentations", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 1, pp. 74–92, DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-1-74-92

I

В традиционной культуре ярче всего символическое значение волос проявляется в рамках свадебного обряда. Еще в XIX в. Н.Ф. Сумцов писал об особом значении прически и головного убора в традиционной свадьбе. Он выделял две основные формы прощания с девичеством: это либо снятие девичьего головного убора, либо расплетание косы¹. Прическа девушки как принципиально важная составляющая свадебного обряда рассматривается в статье Е.Л. Мадлевской «Девичья красота и социовозрастной

¹ *Сумцов Н.Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.

статус девушки в традиционной культуре русских» [Мадлевская 2002]. Исследователь показывает, что коса/волосы непосредственно связаны с понятием «девчье́й краси́оты», которое аккумулирует в себе множество смыслов: девичья воля/красота обозначает готовность девушки к замужеству, достижение ею детородного возраста; девчье́й краси́ота обладает символикой девственности, молодости, здоровья и красоты. Коса в статье рассматривается как один из наиболее важных предметных заместителей краси́оты, особенно актуальный в контексте свадебного обряда, так как именно через изменение прически закрепляется переход из одной социовозрастной группы в другую. Однако, помимо косы, в качестве заместителей девчье́й краси́оты выступает множество предметных атрибутов: это может быть свадебное деревце, венок, лента, повязка, девичий головной убор.

В нашей работе мы в большей степени сосредоточимся на косе как предметной реалии, которая специфически осмысляется в контексте свадебных причитаний. Мы покажем, что коса обладает рядом собственных значений, а не только выступает в качестве синонима к понятию краси́оты/воли.

Мы полагаем, что определяющим для символики и семантики волос в причитаниях является этап свадебного обряда, во время которого исполняется тот или иной текст. Данная единица полисемантична, и ее значение во многом соотносится с тем, в каком контексте она фигурирует: идет ли речь о моменте просватанья, о прощании девушки с подругами и родителями, о том этапе свадьбы, когда невесте нужно будет предстать перед женихом, его родителями и гостями. Положительные и негативные коннотации также довольно часто определяются местом текста в ходе свадебного обряда.

II

Первое основное символическое значение, присущее волосам в свадебных причитаниях, можно обозначить как 'девичья свобода'. Прилагательное «девичья» в толковании связано в первую очередь с половозрастными характеристиками: незамужняя девушка, несмотря на свой подчиненный статус в родительском доме, обладает определенной долей свободы, которой лишена замужняя женщина: она может принимать участие в собраниях молодежи, играть в игры, носящие эротический характер; она также может позволить себе большую свободу внешнего вида: например, ходить с непокрытой головой. В то же время замужняя женщина также обладает определенным набором «прав» и «свобод», которых

лишена девушка: это касается прежде всего хозяйственно-имущественных и магических практик [Адоньева, Олсон 2021]. Если говорить обобщенно, то женщина в каждом половозрастном статусе обладает своими привилегиями, но в то же время оказывается вписана в рамки определенной иерархии. Важным здесь представляется то, что коса в текстах причитаний осмысливается как один из главных атрибутов девичества и носитель семантики 'свободы', которая характерна именно для этого возраста женщины.

Такое значение девичьей косы возникает в ряде контекстов, где присутствует образ подруг (или одной подруги) и образ «вольной воли». Подобное значение волос широко распространено на Русском Севере. В Вологодской губернии П.В. Шейном был записан следующий текст:

Расплетите, подруженьки,
Вы мою девью красоту,
Вы мою красовитую
В достальные последние.
Не бывать-то мне, молоде,
Не бывать-то мне, зелене,
Со подружкам голубушкам
На веселых гуляньцах².

Мотив, когда девушка во время расплетания косы прощается с подругами и вольной жизнью, устойчив в севернорусских причитаниях (коса в данной группе контекстов может обозначаться как «вольная воля», «красная красота», «девья красота»; в данном случае эти наименования выступают как синонимы). В этом тексте слово «гуляньцах» обозначает те практики, непосредственно связанные с демонстрацией волос, которые становятся недоступными для замужней женщины. Коса, как мы покажем дальше, является одним из основных атрибутов привлекательности наравне с дорогим костюмом и красивой внешностью. Готовясь к различным собраниям молодежи, где, как правило, родители или родственники выбирали невесту, девушки уделяли большое внимание прическе: вплетали как можно больше лент, чтобы коса казалась толще (если говорить о юге России, то часто сплетенные ленты являлись продолжением косы; так девушки пытались увеличить длину волос). Собрания молодежи представляли собой одну из немногих форм открытого общения между представителями разных полов:

² Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Материалы, собр. и привед. в порядок П.В. Шейном. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1900. С. 432.

там молодые люди могли проявлять искренние чувства, выражать симпатию по отношению друг к другу; также на «беседах», «вечеринах», «вечерованиях» присутствовали увеселения, часто содержащие эротический подтекст³. В рамках свадебных причитаний коса, помимо прочего, оказывается носителем данных значений: девушка прощается не с абстрактной «волей», абстрактной «свободой», но с конкретными социальными и поведенческими практиками, связанными с ее прошлым. Посредством смены прически и, как следствие, внешности, в свадебном обряде закрепляется изменение социального и возрастного статуса девушки. Наше предположение подтверждает следующий текст, в котором невеста констатирует, что для нее больше недоступна демонстрация собственной привлекательности:

Да уж ты здравствуешь, лебедь белая,
Люба млада подруженька,
Свет Анна Ивановна!
Мы ходили с тобой, *красовались* (курсив мой. – С. М.),
Сообща вместе за едино
О катких, гладких катищах
И о рождественских игрищах,
И о звонких колокольнях.
Теперь скажу тебе, лебедь белая,
Все прошло мое и прокатилось,
Пора-времячко да миновалось,
За единый час показалось,
За единый час за минуточку⁴.

III

Мы упомянули два основные понятия, с которыми связана девичья коса в свадебных причитаниях: это воля и красота. Попробуем определить отношения между ними. С.М. Толстая рассматривает волю и красота как синонимичные категории, обладающие рядом символических значений. Красота – это в первую очередь персонаж, обозначающий душу девушки, которая отождествляется с «человеческой душой вообще» [Толстая 2015, с. 273–274]. Довольно скромное место при описании семантики «девией

³ Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры: праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.

⁴ Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах... С. 388.

красоты» отводится косе. Она рассматривается лишь как предметный заместитель воли, возникающий при глаголах, которые требуют предметного актанта (положить, отнести и т. д.). Однако, как мы заметили, только коса может вступать в отношения полной синонимии с понятием воли (красоты). Например: «Расплетите, подруженьки, // Вы мою девью красоту, // Вы мою красовитую // В достальные последние»⁵; «Ведь ничем тебе его не выкупить – // Ни рублями ста и ни тысячу! // Только выкупишь ты, батюшка, // Моей девичьей головешкой // Со русой косой со трубчатой, // Со хорошей девьей красотой»⁶; «Уж дойди ты, дойди-доступись // Ты, родимый мой батюшка, // До моей трубчатой косы, // До хорошей девьей красоты, // Расплети ты мою трубчатую косу»⁷ (последние два контекста представляют собой наиболее показательные случаи: слово «коса» заменяется на «красоту», чтобы избежать повтора). Действительно, нельзя отрицать важность мифологического осмысления образа воли (красоты) для поэтического мира причитаний, однако если рассматривать его в связи с девичьей косой, то мы получаем некую непоследовательную дистрибуцию и распадение отношений синонимии. В причитаниях, собранных П.В. Шеином, встречается текст следующего рода:

Как сама ты разставалася
Со всем своим родом-племенем,
Со подружками голубками,
Со своей ли волей вольною,
Со своей девичьей красотой?⁸

Помимо того, что здесь упоминается и воля, и красота, их значение еще и усиливается через повтор однокоренных прилагательных. Наличие подобного прецедентного текста позволяет нам говорить о наличии некоторых семантических различий. Красота символизирует собой внешнюю привлекательность девушки предсвадебного возраста, которая часто коррелирует с девственностью, а воля – свободный нрав, связанный с умением веселиться, гулять, лениться; это, в свою очередь, показывает, что девушка-невеста является частью коллектива, принимает его нормы и постулируемое поведение. Это разделение весьма условно, и зачастую

⁵ Там же. С. 432.

⁶ Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть. Новосибирск, 2002. С. 65.

⁷ Там же. С. 122.

⁸ Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. ... С. 415.

коса-воля-красота выступают как синонимы, однако существует ряд контекстов, где происходит размежевание данных понятий. В «Причитаниях Северного края» находим следующее замечание:

После бани невеста ворочается домой и оплакивает свою волю, ходит по покою с распущенными волосами и просит подруг заплести ей косу; алую ленту, которая вплетается в косу и которую она называет «красотой», держит в руках и хочет ее спрятать; не находя безопасного места ни в лесах, ни в полях, ни в морях, подает ее подруге и просит побережь ее, но потом находит, что и здесь ее красоте не местечко, берет обратно, передает другой подруге, третьей, четвертой и так всем; наконец, обращается к церкви и здесь под престолом находит безопасное место для своей красоты⁹.

Здесь оказывается, что под волей понимается девичья жизнь как таковая, интерпретируется она как свободная и беззаботная, а красота – это алая лента. Однако это не просто предмет, а носитель целой совокупности смыслов, крайне важных для девушки. Одним из них является девственность. Тексты причитаний показывают, что лишение девственности воспринимается невестой как один из наиболее драматичных эпизодов свадьбы. Данному акту присуща семантика слома, битья, разрыва, кражи, продажи. В плачах, исполняемых на рукобитье, невеста может укорять своего отца за то, что тот продал/пропил ее честное девичество; в причитаниях, обращенных к подругам, передавая кому-то из них девью красоту, девушка просит беречь и оберегать ее. Интересна в этом отношении интерпретация образа жениха: он может изображаться как вор, разоритель, погубитель и т. д., что соотносимо с приговорами дружки. Однако если в приговорах данные образы наделяются положительной семантикой, связанной с молодецкой удалью и мужской силой, то со стороны невесты подобное представление жениха однозначно трактуется негативно. С одной стороны, в этом можно видеть определенную магическую функцию (ту же, что и, например, в корильных песнях), а с другой – подобное представление жениха говорит о том, что девушка не хочет расставаться со своей невинностью. В уже упомянутой нами статье Мадлевской указывается, что «как скрытая «природная» характеристика взрослой девушки/невесты, соотносимая с *девичьей красотой*, выступает девственность (целостность)» [Мадлевская 2002]. Символическим здесь оказывается и красный цвет ленты, соответствующий цвету крови, которая в послесвадебной обрядности оказывается показателем целостности невесты. Таким

⁹ Барсов Е.В. Причитания Северного края. Ч. 3: Плачи свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвенечные. М., 1886. С. 245–246.

образом, представление о воле может быть отнесено к поведенческому статусу девушки, а представление о красоте – к половозрастному и биологическому. Образ воли часто возникает при описании жизни в родительском доме, при воспоминании о подругах, о нарядах и о гуляниях. Образ красоты возникает в контекстах, связанных с изменением биологического и физиологического статуса девушки. Например, для русских причитаний характерна антитеза бабьей и девьей красоты. Девья красота имеет положительную коннотацию, бабья – негативную: «Уж и как девью-то красоту // За сто верст видели, // Что за тысячу слышали. // А уж бабья-то красота // По избе-то она таскалася, // По подлавочью валялася, // Во смоле-то она купалася, // Черемицею обсыпалася, // Под порогом-то не слышать ее»¹⁰. Здесь можно сказать о том, что в причитаниях создается некий «идеальный образ» невесты, обязательно целомудренной. Девственность девушки, не вступавшей в брак, в русской традиционной культуре оценивается положительно, а ее отсутствие – отрицательно. И здесь мы встречаемся с довольно сложным представлением, когда лишение девственности после свадьбы неизбежно и необходимо (по крайней мере, по мнению коллектива), однако оценивается всегда негативно (мотив «бабьей красоты» в текстах причитаний обладает негативными коннотациями: «бабья красота» может быть потасканной, испачканной, разорванной, что, как нам кажется, соотносится с различными символическими актами лишения девственности в рамках свадебного обряда, о которых говорилось выше). Поэтому мы считаем, что в основе противопоставления «девьей» и «бабьей» красоты лежит именно физиологическая составляющая. «Идеальный» образ невесты в причитаниях мыслится как чистый и девственный, а образ замужней женщины в соответствии с этим критерием интерпретируется противоположным образом. В полесском свадебном фольклоре подобное восприятие невесты задается словами положительной семантики: «Невеста, сохранившая невинность до брака, называется *честная, хорошая, скромная, ловкая, добрая, правильная, праведная, справедливая, совестная, законная*, но также и *чистая, целая, девочка (девка)*; невеста, утратившая невинность до брака, – *нечистая, плохая, худая, гадкая, недостойная, несовестная, непотребная, гуляка (прогулянная), покрывка* и т. д.» [Толстая 2010, с. 131]. Однако стоит считать это деление весьма условным и приблизительным: в текстах причитаний данные понятия вступают в сложные взаимодействия, которые зачастую невозможно описать как отношения дистрибуции.

¹⁰ Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока... С. 141.

IV

Одна из главных сюжетных коллизий свадебных плачей состоит в том, что девушка не готова отдавать собственную свободу. В севернорусских причитаниях это находит отражение в устойчивом мотиве, когда невеста просит вплести ей в косу различные острые предметы:

Ий уж вы ды расплетите-ка,
И мои ды милы да подруженьки,
И вы ды мою ды косу ды русью.
И в моей-то косе ды русья
И три ножа ли булатныя,
Ий а вы ды не порежьте-(ка)
И свои да белы да рученьки...¹¹

Или

Уж послушайте, милья подружки любовныя,
Уж не расплетайте моей русья косы красовитыя!
Два востраго ножа, два булатного,
Обрежете свои белыя опальныя рученьки¹².

Или

(подруга обращается к невесте)
И как еще да тебя белой лебедушке,
И по конец да мелко-прятной косы русоёй,
И мы вплетем да три ведь ножичка булатнии;
И как еще да столько белая лебедушка,
И мы вплетем да в мелко-прятной русоёй косыньке,
И шестьдесят вплетем булавочек калённых¹³.

Связь волос невесты с различными острыми предметами мотивируется реальностью самого обряда: в некоторых районах Русского Севера в одежду невесты и в волосы втыкали иголки, булавки, чтобы защитить девушку от порчи во время свадьбы¹⁴. Помимо этих контекстов, обнаруживаются куда более образные и развернутые. Например, у Барсова находим текст, где коса предстает как целый мир, с озерами, реками, селами, горами, зверями и т. д.:

¹¹ Русская свадьба: В 2-х т. М., 2000. Т. 1. С. 161.

¹² Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. ... С. 347.

¹³ Барсов Е.В. Указ. соч. С. 128.

¹⁴ Русская свадьба. Т. 1. С. 185.

И мы от кóрешка плести будем плотнешенько,
 И осередь да этой русой твоей косыньки,
 И мы повыплетем кругло малое озерышко,
 И все без этих малогребных ведь лоточек;
 И мы еще да столько, белая лебедушка,
 Как во твоей да мелко-прятной русой косыньке,
 И мы еще угрюм струисту ричку быстрюю,
 И мы без этых дубовых переходинок,
 И мы без крепких теперь да перекладинок.
 И мы еще да столько, белая лебедушка,
 И во твоей да мелко-прятной во косушке,
 И мы селы плести, лебедушко, с приселамы,
 И города плести, мы будем, с пригородками;
 И мы повыплетем во русой тебе косыньке,
 И мы высокие ведь горы да толкучи,
 И на горах да там звери-то съедучи.
 И ты послушай же, сердечно мое дитяtko,
 И дорога да моя белая лебедушка:
 И как еще плести во русой тебе косыньке,
 И плести темный леса да все дремучи,
 И все глубоки эты мхи да ведь дыбучи¹⁵.

Далее следует, что жених, когда будет расплетать косу, заблудится в лесу, потеряется в горах, его унесет бурная река и растерзают дикие звери, а девушка сохранит свое девичество:

И как еще да ведь остудник блад отечской сын,
 И он утупится во мхи да во дыбучи,
 И он заблудится в темны леса дремучи,
 И он заходит в городах да не в бывалых,
 И он заходится в селах да не в бывалых.
 И тут отступится от вольной твоей волюшки,
 И прозабудет тебя белую лебедушку,
 И как еще втот остудник блад отечской сын,
 И доберется до горы да толкучеей,
 И его съидят да тут звери-то съедучии;
 И горы вò-место, голубушко, тут стòлкнутся,
 И тут остудник блад отечской сын укроется;
 И ты останешься с бажонной дорогой волей,
 И ты со милым прикрашенным дивичеством¹⁶.

¹⁵ Барсов Е.В. Указ. соч. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 128–129.

Данный сюжет в причитании заканчивается тем, что жених все-таки находит дорогу к красоте и заберет ее, а девушка потеряет свою вольную волю:

Еще слушай, моя белая лебедушка:
 И мы не ладно с тобой, девушка, удумали,
 И я не хорошо, победнушка, уладила;
 И не сберечь да нам бажоной дорогой воли:
 И во темных лесахъ остудник не заблудится,
 И вси знакомы ему малый дороженьки,
 И запримечены единый тропиночки;
 И в городах да все, остудник, не заходится,
 И во селах да все, остудник, не сболтается¹⁷.

Метафоры блуждания, пути и поиска в целом характерны для многих жанров свадебного фольклора, особенно для приговоров дружки¹⁸. Однако именно в причитаниях эта метафора связывается непосредственно с косой невесты.

¹⁷ Там же. С. 130.

¹⁸ Ср. свадебный приговор в собрании Шеина:

Ехали мы бояре
 Чистыми полями,
 Зелеными лугами,
 Дремучими волоками.
 Подле стог на угоре
 Стоит большой огромный дуб,
 Из-под того дуба выпал куний след.
 Мы ударились по куньему следу:
 Куна шла темными лесами,
 Зелеными лугами,
 Дремучими волоками.
 Мы ехали на своих лошадях-лихачах
 По пенькам, по колодникам, –
 Все пенье переломали,
 Колодник припинали,
 За нам сделался как московский тракт.
 Попали нам два старика усаты,
 Два бело-бородаты;
 Мы спросали их:
 Та ли дорога, та ли ширька
 К нашей княгине молодой?

Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. ... С. 438.

Таким образом, проанализировав два мотива (вплетание колющих предметов в косу невесты и превращение косы в природные объекты), можно сказать, что на уровне мифопоэтики коса и, шире, волосы осмысляются как способ защиты девушки от порчи, от похищения женихом ее «вольной воли», от свекрови и золовки, которые будут расплетать волосы девушки, чтобы надеть на нее женский головной убор. В то же время, в тех причитаниях, где коса невесты представлена как путь, который необходимо преодолеть жениху, ее образ может быть интерпретирован как способ его испытания. Метафорическая связь косы с различными острыми предметами и ее представление как труднопроходимого пути также отражает антагонистические отношения между женихом и невестой, которые в целом характерны для свадебного обряда.

V

Уже давно исследователями было отмечено, что для молодой девушки свадьба является моментом перерождения: она символически умирает для своей семьи и перерождается уже в роду мужа [Байбурин 1978]. Данная смена состояний отражается и на внешнем облике невесты. А.В. Гура приводит следующий любопытный рассказ: «Пришли к невесте в избы, а невеста на пече лежит ненарядная. Мати девке шопнула: “Оболокись, девка”. Марья слезла, сходила в синик и оболоклась» [Гура 2011, с. 64]. Здесь на самой первой стадии свадьбы, когда только приходят сваты, на уровне этикетной нормы прослеживается важное изменение в облике девушки: от неопрятности к порядку. Противопоставление порядка и хаоса как внешних характеристик невесты отражается и в текстах причитаний. На первых этапах свадьбы, когда девушка прощается с отчим домом и подругами, она характеризует себя как неопрятную, неубранную, волосы ее, как правило, распущены:

Сидят милья подружки любовныя
По белым по брусowym по лавочкам.
Уж зачесаны у них младыя буйныя головы,
Я одна то сижу, сиза косата голубушка,
Распущены мои тонкие вольные волосы¹⁹.

¹⁹ Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. ... С. 378.

В другом контексте невеста объясняет свое состояние и внешний вид тем, что не понимает, что происходит и куда все наряжаются:

Да милые вы подруженьки,
 Вы куда жо средилисе,
 Да баско вы наредилисе?
 Шчо вы мне не сказалисе?
 Хоть сказатце сказалисе,
 Дак с вами мне не исправитце –
 Бело лице замаралосе,
 Руса коса рострепалосе,
 Да рубашонка-то грязное,
 Да сарафанишко-то рваное²⁰.

Антитеза 'порядок – беспорядок' в данной группе текстов релевантна для противопоставления себя и подруг, а если говорить, обобщая, – то мира живых и мира мертвых. Мир мертвых хаотичен по своей природе, в нем все основано на противоречии земному порядку. Для невесты процесс «умирания» для своей семьи и подруг начинается в тот момент, когда она узнает о том, что ей предстоит выходить замуж. А волосы, и шире – внешность, указывают на иномирную принадлежность девушки: у всех подруг головы причесаны гладко – только невеста сидит непричесанная (распущенные волосы в других типах дискурса, как правило, выступают маркером демонического); у подруг в волосах жемчуг, а у невесты – слезы; подруги одеты красиво и опрятно – только невеста не умыта и растрепана. Образ невесты кардинально трансформируется на следующих этапах свадьбы, когда она должна навещать гостей, предстать перед сватами и женихом. Здесь коса у невесты «мелко уплетённая», «голова гладко призначесана», одета она во все самое лучшее:

Благослови, Боже Господи!
 Мне вставать приподняться
 На свои ноги резвья
 На чулочки бумажные,
 На башмачки сафьянные,
 Мне итти, молодёшеньке,
 Вдоль светлыя светлицы

²⁰ Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтыге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 112.

Ко чужому чуженину,
Чужу сыну отцовскому
По его по гостинчики²¹.

Подобное изменение облика невесты можно интерпретировать в нескольких аспектах: во-первых, неопрятность и неаккуратность по сравнению с подругами является указанием на «социальную смерть», которая всегда сопровождает переходное состояние в рамках обряда. Во-вторых, как отмечал С.Ю. Неклюдов, архаическое сознание наделяет женские распущенные волосы эротической символикой, в то время как заплетание и собрание волос воспринимается как «сдерживание эротической энергии» [Неклюдов 1977]. Подобную коллизию мы наблюдаем и в русских свадебных причитаниях. Этот мотив мы находим в лирических песнях, когда усмирение невесты описывается как захват за косу:

Уж и ко мне смело да приходили.
Уж и на праву ножечку да наступили.
Уж и за трубчату косу да захватили.
Уж и бело личушко да пристыдили²².

Таким образом, трансформация прически в контексте свадьбы осмысляется как овладение той эротической энергией, носителем которой выступает девушка и ее распущенные волосы. Преображение девушки, ее изображение во всем самом лучшем и дорогом отражает достижение максимального уровня привлекательности. Драматизм заключается в невозможности возвращения к этому состоянию. Девушка после свадьбы должна будет расстаться с ним и принять на себя «бабью красоту», которая в причитаниях связывается не с красотой, молодостью и привлекательностью, а с тяжелым физическим трудом и подчиненным положением в доме мужа. Здесь важно отметить, что в причитаниях символически осмысляется не просто акт заплетания косы, а последняя возможность сделать это по-девичьи (у русских в большинстве традиций девушка, как правило, носила одну косу, а замужняя женщина – либо две косы, спрятанные под головной убор, либо незаплетенные волосы, также чем-то покрытые²³). Для противопоставления «девией» и «бабьей» красоты принципиально значимым оказывается мотив

²¹ Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. ... С. 403.

²² Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н.П. Колпакова. Л., 1973. С. 210.

²³ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 275–278.

времени: в севернорусской традиции «бабья краса́та» характеризуется как «вековая», вечная, девушка останется с ней на всю жизнь, «девья краса́та», в свою очередь, описывается эпитетом «часовая», то есть нечто мимолетное:

Не расплетай-кася
 Мою косу русую,
 Не снимай с мене
 Девичью волюшку,
 Не надевай на мене
 Бабью долюшку.
 Девичья волюшка –
 Она часовая,
 А бабья долюшка –
 Она вековая²⁴.

В текстах причитаний коса предстает как один из главных знаков внешней привлекательности невесты. Причем в последний раз девушка стремится к нарочитой демонстрации собственных волос:

Благослови-ка Господи, изукрасити
 Мне трубчатую косу
 Всякими алыми цветочками,
 Обдерыми ленточками
 Со кисточкой со жемчужною!²⁵

Или

Благослови, родимый батюшка,
 Заплести мне косу трубчату
 И вплести в нее ленты алые!
 Неужели-то я открасовалася,
 Неужели-то я отбасовалася,
 Како же было мое красование,
 Како же было мое басование?..²⁶

В-третьих, нельзя не отметить, что внешний вид в традиционных обществах всегда оказывается предметом оценки со стороны коллектива. Облик и костюм для социума говорил о поведении

²⁴ Русская свадьба: Т. 1. С. 162.

²⁵ Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока ... С. 115.

²⁶ Там же. С. 115–116.

девушки, ее физиологическом статусе и недостатке в семье. Например, в севернорусском костюме было недопустимо, чтобы из-под сарафана было видно нижнюю рубашку; подобный внешний вид сразу маркировал девушку легкого поведения. Ношение шали из изысканного материала или сарафан, сшитый из дорогой ткани, наоборот, говорили об экономическом благополучии семьи девушки, а также о том, что она рукодельная и трудолюбивая. Подобное описание невесты при прощании с семьей, когда она сидит нерасчесанная, одетая в худой сарафан и грязную рубаху, говорит о том, что пространство дома для нее лишено присутствия «других», то есть тех людей, которые могли бы ее оценить или осудить. Бахтин отмечал, что опрятная одежда и аккуратный внешний вид мы создаем не для себя, а для других, так как мы сами не можем объективировать, а следовательно, и оценить себя [Бахтин 1997, с. 166–167]. Поэтому можно говорить о том, что пространство дома, окружение подруг и родителей для девушки лишено момента оценочности и воспринимается как «свое», отделить его от себя оказывается невозможно, что и отражается на внешнем виде девушки. Трансформации облика невесты в причитаниях связаны с мотивом представления себя «на люди». После выхода за пределы дома, за пределы семейного и девичьего круга, внешность девушки становятся предметом пристального внимания со стороны коллектива. Поэтому крайне важной оказывается словесная констатация собственной привлекательности.

Очевидно, что переход в новое состояние в причитаниях воспринимается трагически. Девушку пугает возможность изменения социального и физиологического статуса. Поэтому она всячески пытается отсрочить этот момент. Делается это, в частности, посредством констатации недостаточного возраста вступления в брак. Коса и волосы здесь выступают наглядным показателем того, что девушка не достигла зрелости:

Коса ль моя косушка,
Она не доращённая,
В косе лендочка
А йще не доношённая.
Коса моя малая,
А я девка еще младая²⁷.

Здесь мы можем говорить о новой конфигурации волос и о новом значении: коса может быть не только расплетенной, хорошо заплетенной, но недоросшей, маленькой. Пытаясь объек-

²⁷ Русская свадьба. Т. 1. С. 162.

тивировать собственную внешность, невеста констатирует факт собственной незрелости, причем как физической, так и психологической.

VI

Обобщая все вышесказанное, кратко перечислим основные символические значения, которыми наделяются волосы в текстах свадебных причитаний:

- 1) коса может интерпретироваться как символ девичьей свободы, причем она рассматривается в нескольких аспектах: это свобода выбора, свобода участия в ритуальных и поведенческих практиках, относительная свобода внешнего вида;
- 2) коса может осмысляться мифологически и представлять собой средство защиты невесты от рода мужа и одновременно являться испытанием для жениха;
- 3) волосы в контексте свадебных причитаний выступают в качестве маркера переходного состояния невесты. В плачах, относящихся к разным этапам свадебного обряда, нами фиксируется разная конфигурация волос: при прощании с подругами и родителями волосы распущены и не расчесаны, что указывает на смерть девушки для своего прежнего круга общения. В причитаниях, которые сопровождают встречу сватов, жениха, родственников, девушка предстает на пике собственной привлекательности: она одета во все самое дорогое и редкое, ее волосы гладко зачесаны, а коса мелко заплетена. Все это говорит нам о ритуальном перерождении невесты уже в рамках рода своего мужа.

Литература

- Байбурин 1978 – *Байбурин А.К.* К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 89–106.
- Бахтин 1997 – *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русское слово, 1997–2012. Т. 1. 955 с.
- Гура 2011 – *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011. 935 с.
- Мадлевская 2002 – *Мадлевская Е.Л.* Девичья красота и социовозрастной статус девушки в традиционной культуре русских // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Наталии Михайловны Герасимовой. СПб.: Европейский Дом, 2002 С. 88–102. URL:

- http://folk.spbu.ru/Reader/madlevskaja2.php?rubr=Reader-articles#_ednref22 (дата обращения 23 июня 2021).
- Неклюдов 1977 – Неклюдов С.Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семiotика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. С. 193–228.
- Олсон, Адоньева 2021 – Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 520 с.
- Толстая 2010 – Толстая С.М. Символика девственности в полесском свадебном обряде // Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: URSS, 2010. С. 131–149.
- Толстая 2015 – Толстая С.М. Мотив расставания с волей (красотой) в свадебных причитаниях Русского Севера // Образ мира в тексте и ритуале. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015. С. 271–277.

References

- Baiburin, A.K. (1978), “To the description of the organization of space in the East Slavic wedding”, in *Russkii narodnyi svadebnyi obryad: issledovaniya i materialy* [Russian folk wedding ceremony. Research and materials], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 89–106.
- Bakhtin, M.M. (1997), *Sobranie sochinenii: V 7 tomakh* [Collected works. In 7 volumes], vol. 1, Russkoe slovo, Moscow, Russia.
- Gura, A.V. (2012), *Brak i svad’ba v slavyanskoj narodnoj kul’ture: Semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture. Semantics and symbolism], Indrik, Moscow, Russia.
- Madlevskaya, E.L. (2002), “Beauty and socio-age status of a girl in the traditional culture of Russians”, in *Traditsionnye modeli v fol’klore, literature, iskusstve: V chest’ Natalii Mikhailovny Gerasimovoi* [Traditional models in folklore, literature, art. In honor of Natalia Mikhailovna Gerasimova], Evropeiskii Dom, Saint Petersburg, Russia, pp. 88–102, available at: http://folk.spbu.ru/Reader/madlevskaja2.php?rubr=Reader-articles#_ednref22/ (Accessed 23 June 2021).
- Neklyudov, S.Yu. (1977), “On the functional-semantic nature of the sign in narrative folklore”, in *Semiotika i hudozhestvennoe tvorcestvo* [Semiotics and artistic creativity], Nauka, Moscow, USSR, pp. 193–228.
- Olson L. and Adonyeva, S. (2021), *Traditsiya, transgressiya, kompromiss: Miry russkoi derevenskoi zhenshchiny* [Tradition, transgression, compromise. The worlds of the Russian village woman], NLO, Moscow, Russia.
- Tolstaya, S.M. (2010), “The symbolism of virginity in the Polissya wedding ceremony”, in *Semanticheskie kategorii yazyka kul’tury: Oчерki po slavyanskoj etnolingvistike* [Semantic categories of the language of culture. Essays on Slavic ethnolinguistics], URSS, Moscow, Russia, pp. 131–149.

Tolstaya S.M. (2015), "The motive of parting with *volya* in the wedding lamentations of the Russian North], in *Obraz mira v tekste i rituale* [The image of the world in text and ritual], Dmitry Pozharsky University, Moscow, Russia, pp. 271–277.

Информация об авторе

Светлана К. Мамонова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *smamonova10@yandex.ru*

Information about the author

Svetlana K. Mamonova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *smamonova10@yandex.ru*